

7. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та., 2013. – 248 с.
8. См.: Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. 2011. № 1.
9. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собр. Законодат. Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30.

В. М. Князев

ТОЛЕРАНТНОСТЬ – СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОРТОДОКСИИ

В наше время многие ценности обесценились. Время, в котором сама жизнь человека потеряла всякую цену, течение этого времени вызывает недоверие. Что не принесет ход времени, все подозрительно. Вот и красиво звучащее слово «толерантность» подозрительно для нас. Даже для преступников существует презумпция невиновности, пока суд не скажет слова приговора. Почему же такое недоверие к слову «толерантность»?

Конечно, недоверие не к слову, а к людям, которые в семантику нового слова упаковывают разрушительный для доверчивых людей смысл. Если сказать грабеж среди белого дня, невыплата многие месяцы заработанной зарплаты, сказочное обогащение одних и нищета и бездомность других, то ясно и понятно о чем идет речь. А если сказать «приватизация», «секвестр», то не ясно, что это такое, пока не станешь нищим или богатым. Речь, следовательно, идет о внимательном отношении к слову и результате этого внимательного отношения – о смысловом функционале слова «толерантность». Мы полагаем, что символизм слова толерантность говорит нам о реальности древнего как мир мифа, в котором постулируется необходимость для человека быть терпеливым и иметь в себе силу всепрощения. Но достойно ли терпеть недостойное злодеяние мелких и пошлых людей? Терпеть от кого и кому? Вот судьбоносные для толерантности вопросы.

Спросим: следует ли терпеть превратности судьбы, произвол воли любящего нас, все мудрого Бога? Даже в ответе на этот вроде бы риторический вопрос атеист и верующий человек разойдутся. Что же говорить о терпении к букве закона, к императиву культурной

национально различной нормы, к авторитету власти, к глупости, развращенности и слабости людей. Поэтому в слове «толерантность» надо увидеть различное, идущее от произвола говорящего и от предметности жизненных отношений человека.

Слово «толерантность» стало часто звучать в нашей разговорной речи. Это заграничное слово, незаметно вошло в наш лексикон, и стало своим расплывчатым смыслом диктовать стиль общения между различными по своему мировоззрению людьми. Человеку ныне рекомендуется доброжелательное, вежливое, терпимое отношение к взглядам, позиции другого человека

Если мы спросим себя: почему воспитанного человека надо называть толерантным? То, вероятно, должны будем ответить: в угоду моде. Оказывается, введение нового термина связано не только с необходимостью уточнения смысла культурного феномена вежливости, но с модным аксиологическим акцентированием на этом явлении. Стало модным быть вежливым. И в этой моде на вежливость состоит причина актуальности проблемы толерантности.

Мы знаем, что мода капризна, в том плане, что она создается по субъективному произволу знаменитых модельеров. Законодатели мод, исходя из своих коммерческих интересов, эстетических пристрастий, навязывают публике некий искусственный стиль жизни. Конечно, в произволе кутюрье есть и воля обстоятельств жизни, Мода производна не только от воли ее создателя, но и от возможностей нашей жизни. Поэтому в явлении толерантности есть и веление реальной жизни. Все действительное – разумно, даже, если это действительное и сотворено по произволу кого-то. По этой причине следует внимательно присмотреться к толерантности и увидеть ее добрую или злую волю разума.

Толерантность в переводе на русский язык означает «терпимость». Толерантность (терпимость) вошла в сферу нашего мотивационного сознания и требует от нас терпимого к ней отношения. Будучи вежливыми людьми, мы проявим внимание и спокойное участие к явлению толерантности. Но вежливость не должна быть колыбелью глупости. Наоборот, в вежливости коренится разумность осторожность, бережливость человека, знающего ценность сложившегося между людьми доверительного отношения. Толерантность производна от особого вида общественных отношений – от отношений, в которых присутствует сила любви и помощи человека человеку. Отношения, где есть любовь и взаимопонимание редки и хрупки в силу своего совершенства. Они требуют бережного к себе отношения. Поэтому в вежливости актуализировано социальное и приглушено биологическое

бытие человека. Терпимость (толерантность) на самом деле социально императивна и является формой «мягкого», априорного убеждения человека в жертвенности во имя социальности целого.

Обманчивость толерантности в том, что по форме она не агрессивна, не требовательна, а есть выжидательное, приглашающее любезно к взаимодействию действие. Открытость к взаимодействию толерантного партнера говорит нам о возможности совершить действие в отношении к его готовности взаимодействовать с вами. Эта открывшаяся для нас возможность действовать побуждает нас совершить действие, превратить нашу возможность в действительность и тем самым реализовать имеющийся в нас дар свободы. Если хитрость мирового разума состоит в том, чтобы, дав свободу самореализации человеку в рамках своего целеполагания, ждать, не проходя через труд свободы, реализации своей цели через труд и риск человеческой свободы, то хитрость априорного опыта толерантности состоит также в принципе недеяния. Она создает в пространстве общественного отношения простор открытости, в который устремляется доверчивый и жаждущий деятельности человек. В трактате Дао Дэ Цзин, который приписывают мудрецу Лао Цзы сказано:

«Тридцать спиц соединяются в одной втулке,

А используется она в колесе за счет своего небытия и бытия (пустоты и полноты)

Формируют глину, чтобы изготовить сосуд,

А используется он за счет своего небытия и бытия.

Прорубают окно и двери,

А используется жилище за счет своего небытия и бытия.

Следовательно,

Бытием приносится польза,

Небытием создается использование» [1, 80].

Таким образом, разумная воля толерантности использует жизненную силу свершаемого в пространстве общественных отношений действия того, кто соблазнился открытостью пространства этих отношений, и стал действовать. Разум толерантности использует нас, использует таким образом, что мы не можем ничего возразить против этой эксплуатации, а наоборот должны быть благодарны за данную нам возможность, свободно реализовать дар имеющейся у нас жизни.

Все рожденное должно жить и свершать безропотно свой бег к смерти. Мы часть целого и в нас изначально присутствует врожденное, системное качество целого. Мы есть средство, пустота дороги, по которой шествует жизнь рода. Поэтому толерантность присуща нам, мы способны быть толерантными, быть терпимыми к действию

воли родовой жизни. Мы способны смириться с собственной смертью, увидев в ней способ утверждения и обновления жизни рода. Сила толерантности рода есть бытие в себе, есть сила некой субстанции, а способность к толерантности отдельного человека есть бытие для себя. Субъектность субстанции ставит богохульный вопрос о том, а правильно ли нас использует любящая воля Бога. Для верующего человека этот вопрос приобретает иную форму: а правильно ли Я использую предоставленную мне Богом возможность действовать? И для атеиста, после того как бытие Бога упраздняется в мысли, встает проблема отношения к воле общества, к властной воле Другого человека.

Софизм человеческой жизни в том, что субъективную волю единичного выдают за объективную волю общего, и в безумстве гордыни подкрепляют силу воли общего авторитетом воли Абсолютного. Субстанциональное свойство толерантности облачают в форму субъективного произвола предприимчивого, игнорирующего закон совести человека. В результате этого обмана реализация дара свободы для человека крайне затруднена. Человек в своем социальном бытии всегда есть не эгоистическое Я, а альтруистическое Я-Ты. В социальном действии предполагается изначально, что удовлетворение моих потребностей возможно посредством удовлетворения потребностей другого, поэтому всегда есть открытость Я навстречу Я Другого. Открытость эта естественна и разумна. Но поскольку идеальная формула социальности человека Я-Ты существует, как правило, в теоретическом и религиозном сознании, но не в сфере практической деятельности, то постольку человек имеет дело с реальным отношением по модели Я-Оно. Реальная социальность вся проржавела от яда отчужденности и враждебности людей друг к другу. Равнодушное, бесчеловечное действие «Оно» по отношению человеческому Я не должно быть встречено вежливо в открытости принятия. Вежливость по отношению к агрессии «Оно» есть глупость. И суть дела не меняет то, что «Оно» выступает во внешнем облике привлекательного человека. Ясно, что в данном случае «милый» человек есть всего лишь проводник воли «Оно». Волки в овечьей шкуре – это старо как мир.

Проблема толерантности – это проблема совмещения теории толерантности с практикой доброжелательного отношения. А так как теория толерантности есть по сути теологическое, философское рассмотрение социальной сущности человека, то это есть проблема практической истины принципов религиозной философии и теологии. С одной стороны – это проблема молчания Бога, равнодушия пустоты, которая в своей дающей нам жизнь любви терпима к любому нашему своеволию

и тем самым не дает нам прямого указания, что выбрать из универсума возможного. С другой стороны – это проблема зрелости нашего вопроса к Богу, нашей ответственности за сделанный выбор пути свободы, нашей способности вынести груз отчаянья, которое есть, по словам С. Кьеркегора, болезнь к смерти. Отчаянье не только от невозможности найти смысл в абсурде жизни, но и от невозможности умереть. Возможность жизни, которая, дана нам Богом, есть для нас проблема, ибо она для нас невозможна. Мы не можем, не способны разумно жить и достойно, разумно осуществить переход через смерть в вечную жизнь. Решение названных проблем зависит от нас, от умения наших способностей. А наше умение нейтрализуется нашей глупостью, так как наша глупость стоит на пути нашей свободы и не дает нам идти на зов любви Бога.

Только в деятельности практики видно, что мистический туман теории этих вопросов может быть рассеян при ясном свете духовно зрелого отношения Я и Ты. Мы видим: как в диспозиции духовно-практического отношения универсализм и тотальность социальности, человечности Ты, стоящего на объективном полюсе общественного отношения, привносит в пространство этого отношения силу и свет любви. Характер общественного отношения под воздействием силы любви Ты становится помогающим, возносится на уровень личностного общения, на уровень понимания и духовности. При таком действии Ты от человеческого Я, стоящего на субъективном полюсе общественного отношения, требуется, труд жизни. А именно: Во-первых, беспокойство, озабоченность за жизнь. Человеку следует проснуться в своем сознании, родится дважды, т. е. выйти из лона сознания и войти в сферу самосознания. Самосознание есть отношение к отношению и есть, по сути, дерзкая попытка усомниться в правильности отношения Ты и Я. Во-вторых, по слову Гегеля, надо к самому сомнению отнестись с сомнением и предметностью объективно имеющегося отношения проверить пристрастность своего сомнения. В-третьих, подчинив произвол своей воли объективной воле предметности отношения, мы не должны забывать о жизни собственной души, ради бессмертия жизни, чистоты и божественного совершенства которой и вершится весь труд человеческой жизни. Практика жизни бессмысленна, если не прорастает истиной теории. Если интеллигентное рабство толерантности не преодолевается, то мы рабы, причем добровольные рабы, ибо добровольно отринули возможность свободы, данную нам любовью Бога.

Таким образом, толерантность – это серьезная проблема, цена решения которой наша свобода. Эту проблему надо решать иначе за нас решат, как нам мыслить, дав через матрицу толерантности

сценарий мыслительных игр. И дело решения начинается с продумывания смысла слова «толерантность», соотнесение его значения с волею субъекта, который решается нечто назвать «толерантным».

От того, что мы терпимость назовем толерантностью, суть вещей не изменится, она лишь скроется под покров не переведенного на русский язык слова. Назовите дом терпимости домом толерантности, разве будет отменено при этом рабство и аморализм проституции? Нет, оно будет лишь на время сокрыто непонятным словом от нашего сознания. Разве нечто частичное можно называть именем общего. Если толерантность есть атрибутивное свойство социально-общего, то единичное способом приписывания делает его атрибутом своего бытия. Это софизм, это произвол. И причина этого произвола в горделивой воле человека, который мыслит о себе, что он сверхчеловек. В таком обманном использовании смысла слова толерантности есть кураж от безнаказанности злодея, некий артистизм циника, которому все позволено. Ницшеанский сверхчеловек толерантен, снисходителен к любой морали, к любой глупости людей, ибо он знает, что Бог, которому люди поклоняются, умер, а мораль есть сказка, рассказанная людям от имени якобы живущего. Бога. Находясь по ту сторону добра и зла, не приняв правила игры данной культуры, можно быть толерантным к любой морали и любому сценарию жизни.

Но реальный человек, не являясь сверхчеловеком, не может быть терпимым к амбивалентности, неопределенности моральной оценки. Зло — это сила, несущая смерть. Добро — жизнеутверждающая сила. Это так ясно и понятно для ищущего правды сердца человека, что естественным образом возникает вопрос: Почему же к этой правде простого человека так равнодушна, а порой нетерпима толерантность сверхчеловека?

Проблема здесь в том, что есть два понимания толерантности. Понимание толерантности сверхчеловеком и понимание ее простым человеком, простодушно живущего в полусне доверия к слову элиты. Есть два воззрения на мотивационную сферу нашего отношения к жизненной воле другого человека. Воззрение, знающего закон целого, знающего, что смерть отдельного есть форма утверждения жизни целого. Толерантность этого воззрения есть сила утверждающего добра (добро с кулаками, добро в форме зла). И есть воззрение, которое интуитивно чувствует роевую правду социальности, исходит в своих воззрениях из доверия к воле целого, к воле общества, рода, племени, семьи. Толерантность этого воззрения живет интенцией доверия, в уверенности, что сам Бог знает о нем, любит и спасет его.

Субъект первой толерантности стоит на границе своей социальной сущности, оторвавшись от пуповины рода, в одиночестве самосознания

он решается на встречу с реальностью жизни. Этому одиночке нужна толерантность как терпимость других к его причудам, к его творчеству, не осуждение его за эгоизм творца. И ему нужна толерантность как понимание и поддержка его в одиночестве и бессилии при встрече с реальностью со стороны людей его ранга. Здесь, толерантность есть форма корпоративности, братства сверхчеловеков.

Субъект второй толерантности, привыкший жить в лоне социальной защиты, болезненно переживает всякое одиночество и готов божественный дар духовной свободы отдать за любую иллюзию общности. Для человека-ребенка помощь любви необходима как воздух. Без толерантности любви и опеки, без морального поощрения, без доброго слова человек-ребенок долго не живет и недееспособен. Здесь толерантность есть форма солидарности простых людей, целесообразность которой проверенна историей, освещена авторитетом культурной традиции. Форма обычного, традиционного и потому спокойного течения жизни, а не революционного, рискованного, как в случае с творцом-одиночкой. Первая толерантность агрессивна в своей революционности, в произволе и непредсказуемости свободы сверхчеловека. Вторая — консервативна в неприязнательности и бесхитростности простого человека.

Так как реальное бытие толерантности амбивалентно, двойственно и есть единство противоположного, то и явление ее человеку аксиологически различно. Толерантность сверхчеловека есть добро, благо свободы для него, а для простого человека, из народа она есть зло добровольного рабства. И наоборот толерантность укорененной в традиции социальности простого человека есть благо для него, и есть зло для сверхчеловека, ибо ограничивает, стреножит его свободу. Как решить это противоречие?

Сама жизнь разрешает это противоречие просто: она отделяет социальный слой мыслящих от резервации работающих, разделяет порой до бытия каст. В замкнутом мире кастового образа жизни свои, присущие только этой касте правила общения, а потому и свое действие толерантности. Если бы каста мыслящих людей жила на луне, а каста работающих — на земле и они бы не общались между собой, то не было бы проблемы понимания толерантности. Была бы у каждой касты своя истина соглашения, подтвержденная незыблемостью установившегося порядка жизни, и было бы все спокойно как на кладбище. Но все дело в том. Что касты являются неотъемлемыми, особыми частями единого целого и не могут жить друг без друга.

Таким образом, проблема толерантности становится проблемой демократического, политического взаимодействия народа и власти.

И эта проблема уже не толерантности, а проблема победы в борьбе друг с другом. Правящий класс, пытаясь найти путь быстрого и безропотного управления народом, направляет все свои усилия на воспитание рабского сознания в народе. Лучшие рабы – это святые рабы, добровольно, с энтузиазмом фанатика исполняющие роль раба. Поэтому использования в этих целях теологического, религиозно-философского потенциала толерантности – первейшее дело для идеологов касты сверхчеловеков. Идеологам, выступающим на стороне народа, предстоит найти противоядие против «святого рабства», и дать это лекарство отведать человеку из народа, чтобы он выздоровел и не верил бы больше сказкам о толерантном волке и толерантном козленочке.

Согласно диалектике Гегеля, историческая правда на стороне рабского сознания, следовательно, и победа будет не за господами, а за рабами. Но это пафос теоретика, мыслящего с позиции Абсолютного разума, обзирающего с неба метафизики, с недостижимой высоты инволюции падения и взлеты эволюционного развития человека. Если же смотреть на свободу человека из бездны его падения, то видно, что яд святого рабства стал выполнять роль адреналина в крови человека. Святое рабство дает смысл и силу жизни человеку. Лишить человека этой силы, значит, лишить его жизни. Тогда как речь идет о лечении. Видя неэффективность лекарства, с одной стороны, а с другой стороны, – всеисилие отравителей, следует иначе поставить вопрос. Быть может лечить народ бесполезно, а следует лечить элиту?

И есть только один аргумент для мыслящих людей – это истина мысли. Говоря о толерантности, следует говорить об истинной форме толерантности. Видимо, истинной формой толерантности будет та пустота мыслительного пространства, которая делает возможным действие свободы мысли. Небытие бытия толерантности создает действительную возможность для реальной реализации духу свободы. Реализация как состоявшаяся свобода, что может быть выше и заманчивей этого.

Но реальность реализации есть реальность условий. Наша свобода обусловлена содержательной полнотой бытия общественных отношений. Полноту реального содержания общественных отношений привносит в идеальное пространство Я-Ты только содержательная и свободная жизнь народа, где отдельный человек не деградирует до состояния телевизионного наркомана, до социального бомжа, а развивается до профессионала, мастера реального дела, до политической, культурной субъектности.

Таким образом, при выборе условий для реальной реализации духа свободы нет альтернативного выбора. Выбор один в пользу истинной толерантности, которая не знает двойных стандартов – она одна и для элиты, и для народа. Этот логический аргумент по мере его продумывания находит свое подтверждение в специфике нашего социального бытия и в соответствующей этой специфике гносеологической корректности нашего притязания на истину.

Терпимость к мысли другого не является признаком слабости собственной мысли, а является способом адаптации человеческого Я к среде, где господствует разномыслие, чтобы в окружении инакомыслящих сохранить ортодоксию своих взглядов. Толерантность есть способ жизни мыслящего человека в среде инакомыслящих. Тот способ жизни, целесообразность которого обусловлена фактом разномыслия живущих в одном обществе мыслящих людей. Вежливость толерантности несовершенна, но ее несовершенство есть несовершенство мира, а мир предпочтительней войны.

Толерантность не есть нечто выдуманное и навязанное действительности произволом человеческой воли. Нет, она имеет свои действительные основания. Есть сфера жизни людей, где толерантность – терпимость к мнению другого, признание права другого на инакомыслие желательна и выгодна для всех. Имя этой сферы известно – это духовная, творческая жизнедеятельность людей. В этой сфере любой мир, даже плохой, лучше войны.

Почему мир предпочтительней войны? Дело здесь не в этическом осуждении войны и приветствии миру. Этические ярлыки производны от онтологического существа дела. В сфере творческой жизнедеятельности духа, который желает знать истину и стремится к знанию истины на пределе своих возможностей – в этой сфере жизнедеятельности человека проявляется с предельной определенностью соборная сущность человека. Там, где цель не достижима для одного, там требуется помощь другого. Каждый человек в трудной ситуации ищет поддержки и помощи со стороны. Беспомощность каждого преодолевается помощью другого. Чтобы эта помощь другого носила не эпизодический, не случайный характер, а постоянный и закономерный характер, способ жизни каждого отдельного человека делается фатально социальным. Поэтому субстанциональная жизнь рода человеческого становится законом жизни каждого человека.

Когда игра в дефиниции обнаружит свою бесплодность, а ярмарка тщеславия на научных диспутах окончательно надоест до отвращения, тогда человек в мыслях своих выходит на встречу с реальностью объемлющего его бытия. И тогда он убеждается в воочию, что все его

знание есть, по сути, знание о незнании, или некая конвенция для мирного существования в кругу темпераментных искателей научного знания. Неуверенность в устойчивости своей познавательной позиции проникает как яд отчаяния в душу человека. Человек может обезопасить себя от этого душевного яда агрессивной или пассивной формой психологической защиты. Сомнение, ставшее убеждением скептика или революционностью диалектического разума, отрицающего силой отрицания постоянно возникающее незнание как форму и способ несовершенства, явленного нам знания истины. Эта холодная, отчужденная позиция скептика и эта агрессивность диалектическим образом мыслящего человека есть агрессивная форма защиты от беспокоящей нас тьмы незнания. Смирение веры перед невозможностью достижения истины в условиях фатальной ошибочности нашего пути познания есть пассивная форма защиты от знания агностической особенности нашего разума.

Духовная сфера жизнедеятельности людей непригодна для роста тщеславия. Хотя люди и пытаются превратить сферу творческих исканий духа в ярмарку тщеславия. Но это попытка обреченных на поражение. Дело в том, что предметность истины дана для ищущего истину человека изначально. Не истина приходит к вечно существующему человеку, а человек рождается в мир, в котором есть смысл, обличенный в предметность истины. Истина проходит перед взором человека, как проходят картины меняющегося пейзажа перед взором едущего в поезде пассажира. Динамическая суть мира постоянно меняется, но это не значит, что она подстраивается под восприятие человека. Человек, желающий быть сопричастным живому смыслу мира, должен изменяться в соответствии с изменением его динамической сути. Поэтому пребывание в сфере незнания – фатально для человека, а необходимость познать истину – жизненно спасительна для него. Нищета духа атрибутивна для познающего человека. Из нищеты духа рождается активность смирения. Творчество, как высшая форма человеческой активности, смиренно перед предметностью истины. Если нищета духа есть основополагающая установка познания и знающее незнание есть результат познания, и некоторая ошибочность промежуточного этапа знания есть атрибутивное свойство всякого познания, то в познании нет основания для тщеславия. В познание есть фундаментальная беспомощность человека на пути к истине, и есть глубинная открытость познающего к помогающей, спасающей силе любви на этом трудном пути к истине. Поэтому мыслящие люди заинтересованы в силе помогающей любви. Они склоны не спорить, а доказывать, показывать истину со своей точки зрения.

Видение истины с определенной точки зрения лишь внешне противоречит видению этой же истины, но с другой точки зрения. Два и более видения одной и той же истины с различных точек зрения взаимно дополняют друг друга. Стремящийся человек к полноте целостности, не бунтует против другого, кто своим частичным усилием приближает его к желаемой полноте целостности видения исследуемого. Поэтому для истинно мыслящих людей обмен мнениями выгоден, он обогащает их видение истины. В сфере творческого духа толерантность имманентна познавательному способу жизни. Она гносеологически целесообразна.

Известно, что способ любого познания обусловлен предметностью познаваемого. Гносеология толерантности, как гносеология социальной корректности, черпает свое смирение из опыта познания Абсолютного. Привычка к отчужденному, горделивому уму проистекает из бесчувствия к Абсолюту. Абсолютное есть одновременно как ничто и как все. Ничто оно есть потому, что не является чем-либо. А все оно есть потому, что не может быть лишено чего-либо. В нем есть полнота и конкретность, множественность и единство бытия. Есть благодаря силе любви, которая связывает не уничтожает самобытности противоположные начала Абсолютного. Через любовь отрицается сила жизни человека, чтобы утвердить силу жизни в другом человеке. Ценность жизни, которую утверждает любовь, идя путем Абсолюта есть единство Блага, Истины и Красоты. Благо есть желаемое бытие, Истина – представление о желаемом, Красота – чувствование желаемого. По мысли В. С. Соловьева Абсолют реализует Благо через Истину в Красоте. Если Бог существует по закону любви, толерантности, то почему человек должен жить иначе? Конечно же, жить иначе есть глупость, проистекающая от не чувствования истины христианства, в догматическом сознании которого Бог мыслится как Любовь.

Вместе с тем, современный человек говорит о том, что пришло время пост христианства, пришло время утвердить неязыческую истину сверхчеловека. Глупость неоязычества прожила бы в нашем сознании до восхода солнца, имя которому Абсолют. Солнечное бытие Бога в зените, а человек не видит его лучей. Причина этому противоестественному явлению в тумане, который окутывает нас бессилием «святого рабства». Причина в том, что вместо утверждающей силы любви, мы взяли в качестве принципа жизни заменитель любви – толерантность. Любовь – конкретна, а толерантность – абстрактна. Любовь в непосредственности и чистоте сердечных чувств есть Истина и Красота. А толерантность, чтобы вскрыть свою искусственность и безжизненность наводит на лицо смерти румяна модной красоты и истины.

В триумфальном шествии толерантности нас смущает одно – не толерантное отношение к ортодоксии. Для человека есть жизненная приоритетность вопроса «Ради чего?» над вопросом «Посредством чего?». Эта приоритетность во имя сохранения личностной свободы должна быть соблюдена и осуществлена человеком через действие диалектики цели и средства. Толерантность – это хорошее средство для достижения цели духовной свободы человека. Толерантность для нас средство для утверждения своей цели.

Когда Ганс Кьонг призывает нас в вопросах теологии следовать следующим этическим постулатам:

- не оппортунистическая или конформистская, а правдивая теология: вдумчивый ответ о вере, правдиво ищущий и высказывающий христианскую истину;
- не авторитарная, а свободная теология: теология выполняющая свою задачу без препятствующих ее работе административных мер или санкций со стороны церковного руководства и честно высказывающая свои убеждения, подкрепленные достаточными основаниями;
- не традиционалистская, а критическая теология: теология, честно и свободно осознающая свой долг всегда – в постановке проблем, в своих методах и результатах – следовать научной этике поиска истины, соблюдать методологические правила и критически проверять себя;
- не конфессиональная, а экуменистическая теология: теология видящая в любой другой богословской системе не противника, а партнера и ориентирующаяся не на размежевание, а на взаимопонимание, причем в двух направлениях – обращенное внутрь, в рамках междуцерковного, внутрихристианского сообщества, и обращенное вовне, в пределах внецерковного, внехристианского мира с его различными регионами, с его многообразными религиями, идеологиями и науками»[2, 359], мы говорим: «прекрасно, будем следовать этим постулатам, но с целью утверждения конфессиональной истины православия». Толерантность есть не только способ существования ортодоксии, но и способ ее утверждения. И это правильный подход к толерантности.

Библиографический список:

1. Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской философии и Цзин Дао Дэ Цзин Лунь Юй. / А. Е. Лукьянов. М., 1994.
2. Великие христианские мыслители: пер. с нем. / Ганс Кьонг; авт. и рук. проекта Д. М. Носов . СПб.: Алетейя [Историческая книга], 2000. 442 с.